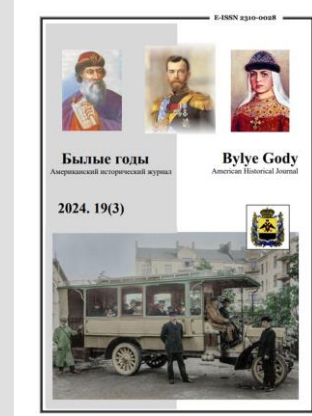

Copyright © 2024 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2024. 19(3): 1425-1432
 DOI: 10.13187/bg.2024.3.1425

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Orthodox Missionaryism in the Steppe Region as a Regional Practice of Imperial Religious Policy in the late XIXth – early XXth centuries

Serikbay D. Mamraimov^a, Sarsenbek K. Yelshibayev^b, Bakyt S. Tokmurzayev^{c,*}, Zhanat R. Abisheva^d

^a South Kazakhstan Pedagogical University named after Ozbekali Zhanibekov, Shymkent, Republic of Kazakhstan

^b Zhumabek Akhmetuly Tashenev University, Shymkent, Republic of Kazakhstan

^c Kazakh National Pedagogical University named after Abai, Almaty, Republic of Kazakhstan

^d Saken Seifullin Kazakh Agrotechnical Research University, Astana, Republic of Kazakhstan

Abstract

This article, based on the materials of missionary records, as well as diaries and notes of the staff of the Kirghiz Spiritual Mission, reveals the practices of implementation of imperial religious policy in the Steppe region as a region that was the object of intensive colonial expansion in the second half of the nineteenth and early twentieth centuries. In the course of the research it was established that the incorporation of new subjects in the peripheral regions was carried out within the algorithm of communication between the imperial authorities and the Russian Orthodox Church, with reliance on the principles of religious tolerance towards the indigenous peoples. However, the movement of imperial structures from the center to the peripheries actualized the issues of cultural equalization of the population, which was a determining condition for the consolidation of remote territories within Russia. In this connection there were certain adjustments in religious policy, which, without changing its content, implied not only active proselytizing actions in the indigenous environment, but also a number of serious concessions to the pagans, which strengthened the authority of Christian preachers and removed the indigenous inhabitants from the sphere of influence of Muslimism. During the period under study, the staff of the Kirghiz mission, relying on the traditions of spreading Orthodox Christianity that had been established in the European part of Russia, introduced flexible practices in the Steppe region that were oriented towards achieving harmony with the indigenous peoples in the religious sphere. These included the widespread experience of influencing the aesthetic sense of proselytes by demonstrating the external effects of Christian worship, material aid to neophytes and land provision, the performance of church services in local languages and dialects, and the involvement in missionary work of natives of various social strata of the foreign community. In the system of coordinates of the peripheral religious policy, the low efficiency of the actual conversion of local inhabitants to Orthodoxy was to some extent compensated by the efforts of missionaries who were in regular communication with the indigenous population. The understanding of the fundamentals of the indigenous peoples' way of life and clear ideas about the organization of their economic life, which were characteristic of Orthodox missionaries, provided more comfortable conditions for the spread of Christianity in a foreign ethnic cultural environment.

Keywords: Russian Empire, Russian Orthodox Church, proselytism, missionaryism, colonization, religious policy.

* Corresponding author

E-mail addresses: b.tokmurza@gmail.com (B.S. Tokmurzayev)

1. Введение

В поздней имперский период территориальная экспансия России, принявшая формат внутренней колонизации в отношении пространств и населения Западной Сибири и Степного края, последовательно инкорпорированных в общегосударственный контекст, сопровождалась активной культуртрегерской деятельностью Русской православной церкви, реализующей функции регулярного религиозного просветительства в переселенческой и старожильской среде и прозелитизма по адресу коренных народов Зауралья. Актуальность темы исследования во многом определяется тем, что продвижение в Степной край и земледельческое освоение пространств Акмолинской и Семипалатинской областей предполагало разработку сложной и вариативной модели выстраивания отношений государства и подданных, значительный сегмент которых составляли представители коренного населения, в материальной сфере ведущие кочевой образ жизни, а в духовной – придерживавшиеся языческих верований. В рамках взаимодействия имперской власти с мозаичным в этническом и конфессиональном отношении социумом Степного края задачи православной церкви и миссионеров как представителей данного института на востоке страны существенно усложнились, поскольку церковь как действующий актор колонизации, с одной стороны, несла ответственность за трансляцию имперских принципов религиозной политики, с другой, – должна была демонстрировать свойственное христианству смирение и готовность сыграть роль духовного наставника паствы. Во многом позиция РПЦ в присоединенных империей окраинных регионах должна была вписываться в схему, озвученную С. Беккером, по утверждению которого к XIX веку Российская империя управлялась в настолько централизованной манере, насколько могли позволить огромные расстояния, но, по необходимости, с такой долей терпимости к местным обычаям, которая обеспечивала поддержание правопорядка и осуществление фискальных функций (Беккер, 2004: 76). В данном контексте православное миссионерство может рассматриваться не только как сообщество, реализующее в Степном крае принципы имперской религиозной политики, но и как ее региональная практика, учитывавшая специфику организации этноконфессионального пространства, экономические интересы и культурные особенности коренного населения.

2. Материалы и методы

Решение задач, связанных с научной рефлексией практик реализации имперской религиозной политики в Степном крае на рубеже XIX–XX вв., осуществляется в статье с опорой на делопроизводственные материалы Киргизской духовной миссии в период ее функционирования в юрисдикции Омской епархии (1895 г.). Отделение от Алтайской духовной миссии на исходе XX в. во многом было обусловлено стартом активной аграрно-земледельческой колонизации Акмолинской и Семипалатинской областей, в пространстве которых индигенное население было преобладающим. Однако не менее существенным являлось и то, что киргизы (казахи) попадали под массивное влияние татарских мулл и находились в «оптике» мусульманского воздействия, что расходилось с колонизационными планами Российской империи. Делопроизводство Киргизской духовной миссии, репрезентированное в ежегодных отчетах священников-миссионеров, которые публиковались на страницах епархиальной прессы, позволяет выявить конкретные практики РПЦ, ориентированные на расширение круга новообращенных в православное христианство, а также закрепление их в вере, что осуществлялось как средствами религиозно-просветительского характера, так и методами материального поощрения новых адептов. Ценность отчетов миссии определяется не только качественно выстроенными и обработанными статистическими сведениями о крещении местного населения, материальных возможностях отдельных станом, но и наличием пространственных комментариев о деятельности миссионеров, в которых в разные периоды была представлена оценка усилий Русской православной церкви на окраинах империи (Путинцев, 1896). Значимым источником в работе являются дневники и записки миссионеров, отразившие эмоционально-экспрессивную реакцию священнослужителей на процесс религиозного прозелитизма в разных регионах Зауралья, в том числе и Степном крае (Миссионерские записки..., 2016). Привлечение эго-текстов миссионеров дает возможность существенно скорректировать сложившиеся в обществе и исторической науке тенденциозные и шаблонные представления о деятельности священнослужителей как механическом исполнении служебных обязанностей. Дискурс миссионеров, отраженный в личных текстах, предметно фиксирует личную включенность и заинтересованность в культуртрегерской работе сотрудников миссий, широкую гамму эмоциональных переживаний, связанных с организационными и сущностными аспектами взаимоотношений как с регулярной паствой, так и с новообращенными.

Деконструкция дискурса православного миссионерства в Степном крае в конце XIX – начала XX вв., рассматриваемая как инструмент в рамках исследовательских процедур «новой культурно-интеллектуальной истории», предполагает осмысление репрезентаций представителями института церкви понимания целей и задач реализации религиозной политики в контекстуальных обстоятельствах аграрной колонизации региона.

3. Обсуждение

В современной научном дискурсе оценка религиозной политики России как имперской является предметом коммуникативного согласия исследователей и сводится к следующим положениям.

Во-первых, фундаментальные основы организации конфессионального пространства Российской империи обозначились в XVIII в. и опирались на выраженное желание власти и общества осуществить органичный транзит христианства (цивилизации) аборигенным народам. Понятия «миссия» и «миссионерство» не были включены в колониционную риторику, а учреждения, выполнявшие миссионерские функции (Контора новокрещенских дел в Среднем Поволжье), относились не к церковной, а к гражданской бюрократии (Ходарковский, 2019: 269).

Во-вторых, в XVIII в. была задана мощная инерция для организации имперской власти с учетом религиозного разнообразия, что во многом обеспечивалось приростом иноэтничного и иноконфессионального элемента в управлении и социуме. В ситуации религиозной мозаичности российский государственный и церковный в качестве основного идеологического приоритета рассматривали политику веротерпимости как инструмент, обеспечивавший лояльность новых подданных. Наряду с этим фактором религиозные общины выполняли важную дисциплинирующую функцию, призванную исключить склонность сообществ и индивидуумов к уклонению в любые формы раскола или гетеродоксии (Круз, 2020: 15).

В-третьих, в условиях роста миграционной мобильности населения, аграрных переселений на восточные окраины страны российские политические и социальные структуры приходили в тесное соприкосновение с сообществами язычников и представителей мусульманства, оказываясь в ситуации острой конкуренции за сервильность потенциальных новых граждан и социальную стабильность. Если в обстоятельствах колонизации Поволжья имперские власти декларировали и реализовывали принципы веротерпимости с «оглядкой» на Османскую империю, то в продвижении за Урал, особенно в южном степном направлении, приходилось считаться с достаточно широким спектром противоборствующих сил: исламскими государствами центрально-азиатского региона и европейскими державами, отстаивавшими здесь свои экономические и политические интересы. Необходимо также учитывать географическую отдаленность и гетерогенность колонизованных в азиатской части империи территорий, что видоизменяло традиционный формат политики веротерпимости и требовало включения в практики по ее осуществлению на востоке дополнительных акторов (Чуркин, 2022; Чуркин, 2023; Чуркин, Токмурзаев, 2019; Недзелюк, 2022; Лысенко, 2020).

4. Результаты

Во второй половине XIX – начале XX вв., когда вектор колонизации оказался переориентирован от Западной Сибири, губернии которой приобрели статус внутренних в направлении Акмолинской и Семипалатинской областей Степного края, миссионерская деятельность Русской православной церкви в языческих станах казахов-кочевников воспринималась в российском обществе как важный и определяющий способ инкорпорации пространств и людей в общеимперское поле. Киргизская духовная миссия, продолжительный временной отрезок включенная в состав Алтайской духовной миссии, в 1895 г. получила самостоятельный статус в рамках Омской епархии, что определенно подчеркивало значимость и специфичность фундаментальной задачи государства и церкви – совместить практики аграрной колонизации посредством переселений крестьянства европейских губерний в удобные для земледелия местности Степного края с образом жизни и хозяйствования казахских племен. Особую актуальность в сложившемся контексте приобретала разработка таких вариантов взаимодействия власти, церкви и конфессиональных в регионе, которые позволили бы сохранить общеимперскую модель религиозной толерантности.

В осуществлении данного проекта Русская православная церковь, организуя миссионерскую деятельность в Степном крае в конце XIX – начале XX вв., опиралась на апробированные модели коммуникации и влияния в инородческой среде. Данные модели сложились в системе координат российской колонизации в европейской части империи.

Наиболее предметное отражение миссионерская деятельность в Степном крае, как и в других регионах Азиатской России, получила в делопроизводстве миссий – ежегодных отчетах, издававшихся отдельными оттисками или публиковавшихся в епархиальной периодической печати, рекомендациях, практических советах и разъяснениях по вопросам миссионерской практики, исходящих от непосредственных участников миссионерского дела и адресованных не только сообществу миссионеров, но и широкому кругу лиц, включенных в систему колониционных мероприятий. Необходимо отметить, что исследовательская ценность материалов отчетной категории во многом определяется профессиональным подходом составителей отчетов – священников-миссионеров. Они стремились дать всестороннюю оценку религиозным отношениям в различных местностях Степного края. Не менее существенной являлась и согласованность характеристик и выводов авторов с основными сюжетами церковного дискурса, к разряду которых неизменно относились такие актуальные темы, как противостояние исламскому влиянию на еще

невоцерковленные категории индигенного населения, антираскольнические мероприятия, религиозное просвещение в старожильской и переселенческой среде и т.д.

Выскажем предположение, что центральным сюжетом дискурса РПЦ в Степном крае выступала тема миссионерской работы в инородческой среде в связи с активизацией переселенческого движения на рубеже XIX – XX вв. В ходе аграрного освоения азиатской России, особенно в конце XIX столетия, когда земледельческие миграции за Урал приняли массовый масштаб, вопрос обустройства переселенцев приобрел необычайно острый характер. Государство встало перед необходимостью регулирования поземельных отношений переселенческого, старожильского и инородческого социумов. В этой многогранной работе империя принимала во внимание мнение церкви, а российский клир позиционировал себя в качестве реально действующего актора колонизации, способного влиять на хозяйственно-экономические и социокультурные процессы в границах осваиваемых территорий. В представлениях священнослужителей крестьяне-переселенцы маркировались как «...проводники света веры Христовой в иноверную среду полудиких кочевников...», чье появление «позволит искупить грех небрежения нашего правительства, благодаря которому мусульманство приобрело 5 миллионов киргиз» (Трегубов, 1909; 29). Алармистские мотивы, вызванные широким распространением ислама среди кочевого населения, отчасти уравновешивались надеждами на русское культуртрегерство и благотворное влияние православия: «прежнее отверженное и почти забытое стадо Христово, затерянное в массе туземцев-магометан освежается как пришельцами, так и новокрещенцами; церкви Божии растут, множатся и благоухают среди векового невежества» (Скальский, 1898: 1).

Делопроизводственные документы Киргизской духовной миссии дают возможность распознать основные векторы миссионерской работы РПЦ в Степном крае, обозначить, каким образом устанавливались и корректировались практики коммуникации с инородческим сегментом населения в контексте имперской религиозной политики и ее реализации в периферийных регионах России.

В этой связи очевидным и естественным являлось стремление миссионеров вовлечь в границы «церковных стен» максимально возможное число новых адептов, действуя ненасильственными, а просвещенческими методами. Отчеты по итогам функционирования Киргизской духовной миссии Омской епархии (1895–1911 гг.) свидетельствуют о «плавающей» динамике и в целом невысоких количественных показателях привлеченных в православие представителей коренного населения, которое уже находилось под влиянием ислама. По констатации миссионера М. Путинцева, в первый год работы миссии в новом качестве в уездах Степного края крестившихся по православному обряду инородцев насчитывалось 5 человек (Путинцев, 1896). В последующие годы статистика крещений, в том числе как следствие перехода в православие из ислама, в Степном крае оставалась неустойчивой: в 1897 г., по заверению миссионеров было «приобретено для Христовой церкви 46 человек из магометанства: 30 мужского и 16 женского пола» (Извлечение из отчета..., 1898: 6); в 1902, 1906, 1910, 1911 гг. – 42, 8, 5, 10 душ соответственно.

В отчетах и приложениях к ним миссионеры, повсеместно провозглашая, что «суть апостольского служения не в количестве, а в качестве» (Путинцев, 1896: 2), сетовали на широко распространенные в среде коренного населения прецеденты «отклонения» от православия, что было связано с активной деятельностью татарских мулл, влиявших на новообращенных как материальными, так и духовно-пропагандистскими методами (Елисеев, 1909). Член Государственной думы, священник А. Трегубов, комментируя предложение своих коллег об образовании автономных поселков для коренных жителей, считал нецелесообразным их основание, поскольку «каждое кочевье и каждый кишлак имеют своих пауков – татар или сартов, которые являются самыми беспощадными эксплуататорами мирного и доброго киргизского народа» (Трегубов, 1909: 30).

В длительной временной перспективе в рамках деятельности Киргизской духовной миссии миссионерские практики выстраивались таким образом, чтобы, с одной стороны, не допустить отклонений от общего имперского вектора политики веротерпимости, с другой, – приложить максимум усилий к реализации задач по инкорпорации территорий, маркируемых как «собственный Восток России» (Тольц, 2013), что неизбежно влекло за собой христианизацию язычников и их последующее культурное просвещение.

В палитре столь противоречивой программы миссионерское дело в Степном крае первоначально было ориентировано на совершение актов крещения и поддержания религиозного чувства средствами эмоционально-визуального воздействия на неопитов. К числу своих приоритетных обязанностей миссионеры относили необходимость «показать красоту и величие православных служб, кои более всего располагают к беседе с Богом, сознанию своего ничтожества и, следовательно, к более искреннему исполнению таинства» (Миссионерские записки..., 2016: 46). Обращение к внешним эффектам как способу влияния на будущих христиан регулярно репрезентировалось в отчетах и дневниковых записях миссионеров и, по их убеждению, приносило быстрый эффект, а также способствовало коррекции культурной и гражданской идентичности инородцев, у которых интерес к новой вере тесно сплетался с осознанием своей принадлежности к России и государству (Миссионерские записки..., 2016: 36). Одним из инструментов эстетизации представлений о православии в инородческой среде являлись частые посещения благочиний

Степного края церковными иерархами – архипастырями ([Посещение Его Преосвященством..., 1901; К сведению..., 1902](#)). Так, епископ Омский и Семипалатинский отец Сергей в дни своего визита в церкви Павлодарского благочиния лично проводил службы и частные богослужебные беседы с паствой, особо акцентируя внимание на необходимости поддержки миссионеров в противоборстве с мусульманством, подчеркивая важность совместных молитв и постоянных культурных контактов с невоцерковленными язычниками ([К сведению..., 1902: 16-17](#)).

Дискурс миссионерского делопроизводства позволяет утверждать, что в среде церковных подвижников методы религиозно-просветительского характера не рассматривались как единственно продуктивные. В прилагаемых к отчетам практических советах и разъяснениях по вопросам миссионерской практики осведомленные деятели миссий делились со своими коллегами не только личным опытом работы в инородческой среде, но и знанием о предпочтениях, на которые могли рассчитывать новоприобретенные. Речь шла о материальном поощрении при крещении, фиксируемом законодательно ([Елисеев, 1909: 65](#)), а также об особых правилах при совершении обрядовых действий ([Извлечение из отчёта..., 1898: 4](#)), земельном обеспечении для принявших православие (этот наиболее острый вопрос был урегулирован в 1890-е гг., когда миссионерам был передан Министерством государственных имуществ участок земли в 1 тыс. десятин вокруг Буконского стана) ([Елисеев, 1909: 66](#)).

Одним из отработанных в центральных регионах Российской империи алгоритмов приобщения инородцев к обрядовой культуре православия и противодействия влиянию мусульманских проповедников стал сформировавшийся в Казанской академии середины XIX в. подход тюрколога-арабиста Н.И. Ильминского, в соответствии с которым предлагалось использовать местные языки в организации богослужения и привлекать наиболее способных автохтонов к учительской работе и миссионерской службе ([Джераси, 2013: 69](#)). В отдаленных епархиях и миссионерских станах Западной Сибири и Степного края обращение к опыту привлечения выходцев из местной среды было широко распространено, что подтверждается статистикой: из 93 сотрудников упомянутых в дневниках и записках Алтайской духовной миссии конца XIX в. 47 являлись инородцами по рождению ([Миссионерские записки..., 2016: 167-187](#)). В отчетах Киргизской духовной миссии начала XX в. общим местом являлось упоминание о частых прецедентах отправки новокрещенных инородцев для продолжения образования в семинариях, а также о назначении выходцев из коренного населения на должности миссионеров и псаломщиков ([Отчет о Киргизской миссии за 1899 г., 1900: 8-9](#)). Столь же постоянны и свидетельства о позитивном эффекте перевода церковных текстов службы и хоровом исполнении литургий на языках индигенных народов. Восторженная реакция миссионеров различных станов Степного края по поводу воодушевления инородческой паствы в связи с возможностью исполнения религиозных треб на родном языке в мельчайших подробностях совпадает с риторикой Н.И. Ильминского, описавшего в 1868 г. чувства якутов: «Когда, назад тому лет девять, якуты в первый раз слышали в церкви богослужение на якутском языке, они пришли в такое умиление и восторг, что просили своего знаменитого архипастыря установить в тот день праздник для всегдашнего ежегодного воспоминания об этом событии» ([Ильминский, 2024](#)). В отчете по Киргизской духовной миссии за 1901 г. по данному поводу встречаем следующие комментарии: «новокрещенным является возможность не менять своей киргизской физиономии..., нет надобности менять киргизский костюм на русский..., служба ведется на родном языке, и один из воспитанников после обедни прибежал прямо к надзирателю приюта, выражая свою радость: «Больно хорошо»» ([Епархиальные известия..., 1902: 11](#)). Непосредственные участники миссионерского дела, поддерживая и распространяя практики службы на казахском языке, констатировали значительные перемены, происходившие с новыми православными в русских поселках, подчеркивая, что незнание или слабое владение русским языком компенсировалось в таких случаях приобщением к христианству и овладением религиозными догматами, что в дальнейшем способствовало и экономическому сближению с сообществами переселенцев и старожилов ([Епархиальные известия..., 1902: 20](#)).

5. Заключение

Таким образом, миссионерская деятельность РПЦ в Степном крае на рубеже XIX – XX вв. конструировалась в общеимперской логике политики веротерпимости. Руководители миссий и непосредственные исполнители миссионерских задач неукоснительно следовали общему вектору религиозной политики, исходившему от имперской власти и Святейшего Синода. Вместе с тем в реализации миссионерского дела в регионе в условиях территориальной отдаленности от центра страны этноконфессионального разнообразия населения, специфики его распределения в границах областей, эскалации переселенческого движения миссионерские практики отличались очевидной пластичностью. Масштаб и сила влияния мусульманских проповедников на потенциальную паству, коренных обитателей Степного края, ставили представителей Русской православной церкви в ситуацию варьирования практик религиозно-просветительской коммуникации с автохтонами и выстраивания более тесных и регулярных контактов с прозелитами. В ситуации окраинной религиозной политики относительно невысокая результативность реального обращения в

православие язычников и тех, кто уже принял ислам, в известной степени компенсировалась усилиями миссионеров, находившихся в регулярной коммуникации с индигенным населением. Понимание основ образа жизни коренных народов, внятные представления об организации их хозяйственного быта, свойственные деятелям православных миссий, обеспечивали более комфортные условия для распространения христианства в иноэтнической культурной обстановке.

Литература

- Беккер, 2004** – Беккер С. Россия и концепт империи / *Новая имперская история постсоветского пространства: Сб. статей* / Под ред. И.В. Герасимова, А. П. Каплуновского, М.Б. Могильнер, А.М. Семёнова. Казань: «Центр Исследования Национализма и Империи», 2004. С.67-81.
- Джераси, 2013** – Джераси Р. Окно на Восток: Империя, ориентализм, нация и религия в России. М., 2013. 548 с.
- Елисеев, 1909** – Елисеев Е. Практические советы и разъяснения по вопросам миссионерской практики // *Омские епархиальные ведомости*. 1909. № 7-8. С. 63-72.
- Епархиальные известия..., 1902** – Епархиальные известия (Киргизская миссия) // *Омские епархиальные ведомости*. 1902. № 11-12. С. 2-38.
- Извлечение из отчёта..., 1898** – Извлечение из отчёта Киргизской миссии за 1897 г. // *Омские епархиальные ведомости*. 1898. № 8. С.4-8.
- Ильминский, 2024** – Ильминский Н.И. Сочувствие инородцев к православно-церковному пению на их родном языке. [Электронный ресурс]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Nikolaj_Ilminskii (дата обращения: 22.04.2024).
- К сведению..., 1902** – К сведению и должному исполнению духовенства Омской епархии // *Омские епархиальные ведомости*. 1902. № 13-14. С.2-19.
- Круз, 2020** – Круз Р. За пророка и царя. Ислам и империя в России и Центральной Азии. М., 2020. 408 с.
- Лысенко, 2020** – Лысенко Ю. А. Ежегодные отчеты омских и оренбургских архиереев Синоду как источник по истории православия в Степном крае Российской империи (вторая половина XIX – начало XX в.) // *Известия Алтайского государственного университета*. 2020. № 3(113). С. 76-83.
- Миссионерские записки..., 2016** – Миссионерские записки и дневники сотрудников Алтайской духовной миссии: Сборник архивных документов. Барнаул, 2016. 204 с.
- Недзелюк, 2022** – Недзелюк Т.Г. Государственно-конфессиональная политика Российской империи в зоне сибирского фронта (по материалам архивного хранения) / *Астраханские Петровские чтения. Материалы VI Международной научной конференции "Петр Первый и имперские практики фронтального пространства"*. Астрахань, 2022. С. 251-259.
- Отчёт о Киргизской миссии за 1899 г., 1900** – Отчёт о Киргизской миссии за 1899 г. // *Омские епархиальные ведомости*. 1900. № 13. С. 4-12.
- Посещение Его Преосвященством..., 1901** – Посещение Его Преосвященством, Преосвященнейшим Сергием, епископом Омским и Семипалатинским церквей Павлодарского благочиния // *Омские епархиальные ведомости*. 1901. № 21. С. 15-21.
- Путинцев, 1896** – Путинцев М. Из Киргизской миссии Омской Епархии // *Тобольские епархиальные ведомости*. 1896. № 4. С. 1-7.
- Скальский, 1898** – Скальский К. Господи, благослови! // *Омские епархиальные ведомости*. 1898. № 1. С.1-2.
- Тольц, 2013** – Тольц В. «Собственный восток России»: Политика идентичности и востоковедение в позднеимперский период. М., 2013. 336 с.
- Трегубов, 1909** – Трегубов А. Колонизация Сибири и миссия среди инородцев // *Омские епархиальные ведомости*. 1909. № 24. С.27-31.
- Ходарковский, 2019** – Ходарковский М. Степные рубежи России. Как создавалась колониальная империя. 1500-1800. М., 2019. 352 с.
- Чуркин, 2022** – Чуркин М.К. Дискурс имперской инкорпорации Западной Сибири в программных публикациях церковно-приходской печати начала 80-х гг. XIX в. (на материалах "Тобольских епархиальных ведомостей") // *Известия Иркутского государственного университета. Серия: История*. 2022. Т. 39. С. 13-19.
- Чуркин, 2023** – Чуркин М.К. Русская православная церковь как инструмент имперской колонизации Азиатской России в дискурсе дневников и записок миссионеров Алтайской духовной миссии (конец XIX - начало XX в.) // *Культурный код*. 2023. № 3. С.158-172.
- Чуркин, Токмурзаев, 2019** – Чуркин М.К., Токмурзаев Б.С. Аграрная колонизация Степного края: общественно-политический дискурс и имперские практики второй половины XIX – начала XX вв. Омск, 2019. 261 с.

References

- Bekker, 2004** – Bekker, S. (2004). Rossiya i koncept imperii [Russia and the concept of empire]. Novaya imperskaya istoriya postsovetskogo prostranstva: Sb. statei. Pod red. I.V. Gerasimova, A.P. Kaplunovskogo, M.B. Mogil'ner, A.M. Semyonova. Kazan: «Centr Issledovaniya Nacionalizma i Imperii», pp. 67-81. [in Russian]
- Churkin, 2022** – Churkin, M.K. (2022). Diskurs imperskoi inkorporatsii Zapadnoi Sibiri v programmnykh publikatsiyakh tserkovno-prikhodskoi pečati nachala 80-kh gg. XIX v. (na materialakh "Tobol'skie eparkhial'nye vedomosti") [Discourse of imperial incorporation of Western Siberia in the program publications of the church-parish press of the early 80-ies of the 19th century (on the materials of "Tobol'skie eparkhial'nye vedomosti")]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya*. 39: 13-19. [in Russian]
- Churkin, 2023** – Churkin, M.K. (2023). Russkaya pravoslavnaya tserkov' kak instrument imperskoi kolonizatsii Aziatskoi Rossii v diskurse dnevnikov i zapisok missionerov Altaiskoi dukhovnoi missii (konets XIX - nachalo XX v.) [The Russian Orthodox Church as an instrument of imperial colonization of Asian Russia in the discourse of diaries and notes of missionaries of the Altai Spiritual Mission (late XIX – early XX centuries)]. *Kul'turnyi kod*. 3: 158-172. [in Russian]
- Churkin, Tokmurzaev, 2019** – Churkin, M.K., Tokmurzaev, B.S. (2019). Agrarnaya kolonizaciya Stepnogo kraja: obshhestvenno-politicheskij diskurs i imperskie praktiki vtoroj poloviny XIX – nachala XX vv. [Agrarian Colonization of the Steppe Region: Socio-political Discourse and Imperial Practices of the Second Half of the XIX – early XX centuries]. Omsk, 261 p. [in Russian]
- Dzherasi, 2013** – Dzherasi, R. (2013). Okno na Vostok: Imperiya, orientalizm, naciya i religiya v Rossii [Window to the East: Empire, Orientalism, Nation and Religion in Russia]. M., 548 p. [in Russian]
- Eliseev, 1909** – Eliseev, E. (1909). Prakticheskie sovety i raz'yasneniya po voprosam missionerskoi praktiki [Practical advice and explanations on questions of missionary practice]. *Omskie eparkhial'nye vedomosti*. 7-8: 63-72. [in Russian]
- Eparkhial'nye izvestiya..., 1902** – Eparkhial'nye izvestiya (Kirgizskaya missiya) [Eparkhial'nye izvestiya (Kyrgyz Mission)]. *Omskie eparkhial'nye vedomosti*. 1902. 11-12: 2-38. [in Russian]
- Il'minskii, 2024** – Il'minskii, N.I. (2024). Sochuvstvie inorodtsev k pravoslavno-tserkovnomu peniyu na ikh rodnom yazyke [Sympathy of foreigners for Orthodox church singing in their native language]. [Electronic resource]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Nikolaj_Il'minskii (date of access: 22.04.2024). [in Russian]
- Izvlechenie iz otchyota..., 1898** – Izvlechenie iz otchyota Kirgizskoj missii za 1897 g. [Extract from the report of the Kirghiz Mission for 1897]. *Omskie eparkhial'nye vedomosti*. 1898. 8: 4-8. [in Russian]
- K svedeniyu..., 1902** – K svedeniyu i dolzhnomu ispolneniyu duxovenstva Omskoj eparxii [To the attention and due performance of the clergy of the Omsk diocese]. *Omskie eparkhial'nye vedomosti*. 1902. 13-14: 2-19. [in Russian]
- Khodarkovskii, 2019** – Khodarkovskii, M. (2019). Stepnye rubezhi Rossii. Kak sozdavalas' kolonial'naya imperiya. 1500-1800 [Steppe frontiers of Russia. How the colonial empire was created. 1500-1800]. M., 352 p. [in Russian]
- Kruz, 2020** – Kruz, R. (2020). Za proroča i czarya. Islam i imperiya v Rossii i Centralnoj Azii [To the Prophet and the Tsar. Islam and Empire in Russia and Central Asia]. Moscow, 408 p. [in Russian]
- Lysenko, 2020** – Lysenko, Yu.A. (2020). Ezhegodnye otchety omskikh i orenburgskikh arkhieriev Sinodu kak istochnik po istorii pravoslaviya v Stepnom krae Rossijskoi imperii (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.) [Annual reports of Omsk and Orenburg bishops to the Synod as a source on the history of Orthodoxy in the Steppe region of the Russian Empire (second half of the XIX - early XX century)]. *Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta*. 3(113): 76-83. [in Russian]
- Missionerskie zapiski..., 2016** – Missionerskie zapiski i dnevniki sotrudnikov Altaiskoi dukhovnoi missii: Sbornik arkhivnykh dokumentov [Missionary notes and diaries of the staff of the Altai Spiritual Mission]. Barnaul, 2016. 204 p. [in Russian]
- Nedzelyuk, 2022** – Nedzelyuk, T.G. (2022). Gosudarstvenno-konfessional'naya politika Rossijskoi imperii v zone sibirskogo frontira (po materialam arxivnogo xraneniya) [State-confessional policy of the Russian Empire in the Siberian frontier zone (based on archival materials)]. *Astraxanskije Petrovskie chteniya. materialy VI Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii "Petr Pervyi i imperskie praktiki frontirnogo prostranstva"*. Astraxan. Pp. 251-259. [in Russian]
- Otchet o Kirgizskoi missii za 1899 g., 1900** – Otchet o Kirgizskoi missii za 1899 g. [Report on the Kirghiz Mission for 1899]. *Omskie eparkhial'nye vedomosti*. 1900. № 13. Pp. 4-12. [in Russian]
- Poseshhenie Ego Preosvyashhenstvom..., 1901** – Poseshhenie Ego Preosvyashhenstvom, Preosvyashhennejshim Sergiem, episkopom Omskim i Semipalatinskim cerkvej Pavlodarskago blagochiniya [Visit of His Eminence, Most Reverend Sergius, Bishop of Omsk and Semipalatinsk, to the churches of Pavlodar district] *Omskie eparkhial'nye vedomosti*. 1901. 21: 15-21. [in Russian]
- Putincev, 1896** – Putincev, M. (1896). Iz Kirgizskoj missii Omskoj Eparxii [From the Kirghiz Mission of the Omsk Eparchy]. *Tobol'skie eparkhial'nye vedomosti*. 4: 1-7. [in Russian]

Skal'skii, 1898 – *Skal'skii, K.* (1898). Gospodi, blagoslovi! [God bless!]. *Omskie eparkhial'nye vedomosti*. 1: 1-2. [in Russian]

Tol'ts, 2013 – *Tol'ts, V.* (2013). «Sobstvennyi vostok Rossii»: Politika identichnosti i vostokovedenie v pozdneimperskii period [“Russia's Own East: Identity Politics and Orientalism in the Late Imperial Period”]. M., 336 p. [in Russian]

Tregubov, 1909 – *Tregubov, A.* (1909). Kolonizaciya Sibiri i missiya sredi inorodcev [Colonization of Siberia and mission among foreigners]. *Omskie eparkhial'nye vedomosti*. 24: 27-31. [in Russian]

Православное миссионерство в Степном крае как региональная практика имперской религиозной политики в конце XIX – начале XX вв.

Серикбай Даулатұлы Мамраймов ^a, Сарсенбек Кулишович Елшибаев ^b,
Бакыт Салманович Токмурзаев ^{c,*}, Жанат Рысбековна Абишева ^d

^a Южно-Казахстанский педагогический университет имени Озбекали Жанибекова, Шымкент, Республика Казахстан

^b Университет имени Жумабека Ахметулы Ташенева, Шымкент, Республика Казахстан

^c Казахский национальный педагогический университет имени Абая, Алматы, Республика Казахстан

^d Казахский агротехнический исследовательский университет имени Сакена Сейфуллина, Астана, Республика Казахстан

Аннотация. В настоящей статье с опорой на материалы миссионерского делопроизводства, а также дневники и записки сотрудников Киргизской духовной миссии выявляются практики реализации имперской религиозной политики в Степном крае как регионе, ставшем объектом интенсивной колониальной экспансии во второй половине XIX – начале XX вв. В процессе исследования установлено, что инкорпорация новых подданных в периферийных регионах осуществлялась в алгоритме коммуникации имперской власти и Русской православной церкви с опорой на принципы веротерпимости по отношению к коренным народам. Однако движение имперских структур от центра к окраинам актуализировало вопросы культурного выравнивания населения, что являлось определяющим условием закрепления отдаленных территорий в составе России. В этой связи происходили определенные коррективы в религиозной политике, которые, не меняя ее содержания, предполагали не только активные прозелитические действия в индигенной среде, но и ряд серьезных уступок язычникам, что усиливало авторитет христианских проповедников и выводило коренных обитателей из сферы влияния мусульманства. В исследуемый период сотрудники Киргизской миссии, опираясь на сложившиеся еще в европейской части России традиции распространения православного христианства, внедряли в Степном крае гибкие практики, ориентированные на достижения согласия с коренными народами в религиозной сфере. К таковым относился широко распространенный опыт воздействия на эстетическое чувство прозелитов посредством демонстрации внешних эффектов христианского богослужения, материальной помощи неопитам и земельного их обеспечения, а также посредством исполнения церковных служб на местных языках и наречиях и с помощью привлечения к миссионерской работе выходцев из различных социальных слоев инородческого сообщества. В системе координат окраинной религиозной политики низкая результативность реального обращения в православие местных обитателей до некоторой степени компенсировалась усилиями миссионеров, находившихся в регулярной коммуникации с индигенным населением. Понимание основ образа жизни коренных народов, внятные представления об организации их хозяйственного быта, свойственные деятелям православных миссий, обеспечивали более комфортные условия для распространения христианства в иноэтничной культурной обстановке.

Ключевые слова: Российская империя, Русская православная церковь, прозелитизм, миссионерство, колонизация, религиозная политика.

---

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: b.tokmurza@gmail.com (Б.С. Токмурзаев)